Жиляков Сергей Викторович,
доцент кафедры менеджмента
Белгородский государственный национальный исследовательский университет (Старооскольский филиал),
к. фил. н., доцент
(Старый Оскол, Россия)

ПОЭТИКА СОБЫТИЯ (НА ПРИМЕРЕ НЕКОТОРЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ)

Аннотация

В статье освещается тема значимости события для произведений русской литературы. Будучи тематически основополагающим, событие достигает статуса эстетической установки и является одним из условий конституирования жанра, а потому и поэтики в целом. В особенности это характерно для таких жанров, как классицистическая ода, реалистический рассказ и проч. Обзор реестра жанров литературы, поэтика которых обусловлена тематикой события, в данной статье остается только намеченным и требует дальнейшего более тщательного и подробного изучения.

Ключевые слова

Событие, эстетический акт, конституирование жанра, сознание, явление.

Понятием события интересуются специалисты разных областей знания: историки, филологи, культурологи и, конечно же, философы. При анализе события sub speciae texti мы решили подойти к искомому понятию путь литературы и на примере нескольких произведений понять его смысл.

Семантика события наиболее полно отражена в немецком языке. Событие с немецкого Ereignis - наполнено коннотацией личностного участия, так как eigene, с которым у исходного слова корневая связь, также означает собственный, специфичный, подлинный, а субстантивированное Eigene - ничто иное, как подлинная сущность. Предположительно в Ereignis учреждена субъективная ответственность участия в акте личностного (и только) свершения. Подлинная сущность, которая не может быть никак отчуждена от личности - есть сознание, а то, что в нем является как неповторимое и есть событие. Событие потому и собственное, поскольку оно становится личностным, выхваченное сознанием из объективного бытия. Оно с сознанием сливается, начиная принимать интимно-личностное свойство значимости для него, приобретая важный онтологический смысл. Событие - это такое совершившееся явление, которое глубоко затрагивает, даже потрясает, сознание, поскольку само сознание есть та пред-данность Я, которая в момент встречи с чистой текучестью бытия обретает тот самый пресловутый смысл, результатом чего обретается событие о чем-то [5, с. 27].

В культурологическом смысле событие - это мгновенный акт, в котором сочленяются в едином порыве творческой энергии действительный и художественно-эстетический миры, происходит органичная состыковка двух

планов бытия - субъективно-творческого, сознательного (сфера культуры) и субъективно-деятельностного, жизненного. Итогом совмещения этих двух планов является момент эстетического акта, интуирования и проблеска в схватывании всецелостности бытия в едином порыве вечности смысла и формы, памяти и актуальности - в восторге события. Таким образом, событие предстает как совмещения двух сфер бытия - эстетического и действительного через их ответственно-этическую моноинтенциальность, онтологическую уникальность. «И в результате встают друг против друга два мира, абсолютно не сообщающиеся и не проницаемые друг для друга: мир культуры и мир жизни, единственный мир, в котором мы творим, познаем, созерцаем, живем и умираем; мир, в котором объективируется акт нашей деятельности, и мир, в котором этот акт единожды действительно протекает, свершается. Акт нашей деятельности, нашего переживания, как двуликий Янус, глядит в разные стороны: в объективное единство культурной области и в неповторимую единственность переживаемой жизни, но нет единого и единственного плана, где оба лика взаимно себя определяли бы по отношению к одному единственному единству. Этим единственным единством и может быть только единственное событие свершаемого бытия, все теоретическое и эстетическое должно быть определено — как момент его, конечно, уже не в теоретических и эстетических терминах» [1, с. 7-8].

Не всякое происшествие есть событие. Только некоторые, индивидуальные, особо значимые, удостаиваются быть им. Событие со всех сторон освящается/освещается как особенное, обставляется церемониально. В нем сталкиваются, как правило, единичное и общее, сакральное и профанное, избранное и обычное. У поэтов XVIII века событие требует жанрового выделения, в частности оды, становясь тематической рефлексией и своеобразным мотивом для нее. В связи с чем классицистические оды на крупнейшие и значимые события так ритуализированны и ярки в аспекте сакрализации события как такового. В частности к таковым можно отнести, например, «Оду на день восшествия на Всероссийский престол ея величества государыни I императрицы Елисаветы Петровны, 1747 года».

Когда поэтическое воображение рисует вдохновение, в котором синтезируются два мира: выразимый (реальный) и невыразимый (трансцендентальны) - это тоже событие, поскольку данное необычное явление, доступно только избранному, возвышенному сознанию, с точки зрения которого событие нарушает обычный режим человека. Приведем эпизод стихотворения А. Блока «Художник», описывающее явление события вдохновения как ожидаемой неожиданности, как долгожданного и внезапного возникновения, конституирующего диалектику духовного мира:

В жаркое лето и в зиму метельную,
В дни ваших свадеб, торжеств, похорон,
Жду, чтоб спугнул мою скуку смертельную
Легкий, доселе не слышанный звон.

Вот он - возник. И с холодным вниманием

Жду, чтоб понять, закрепить и убить.
И перед зорким моим ожиданием
Тянет он еле приметную нить.

Как и сакральное неизбежное происшествие оно преобразует время в непрерывное дление, в котором прошлое, сочетается, соединяясь «страстно» с будущим, минуя настоящее, расширяя контекст реальности происходящего до метафизических величин:

Длятся часы, мировое несущие.
Ширятся звуки, движенье и свет.
Прошлое страстно глядится в грядущее [2, с. 432].

Как видно, событие вдохновения - это явление высокого порядка, наполненное противоречиями, когда логика жизни сталкивается с не-логикой метафизического экзальтирования, выразимое с невыразимым, субъективное с транс-субъективным. Ю. М. Лотман называл подобные “встречи” трансцендентального и посюстороннего мира “взрывом” [3, с. 35-43], взрывом в плане разрушения прежнего смысла. Нечто подобное в событии усматривает современный философ К. Романо. По его мнению, «событие есть потрясение смысла мира, которое приходит как факт и вместе с этим фактом и в силу которого смысл такого факта изымается из смысла других фактов, отсекается от него и исключается из него» [4, с. 72]. Исключительность смысла факта из иных сопутствующих (несобытийных) смыслов четко и ярко описывается в рассказе А. П. Чехова «Смерть чиновника».

Внезапность, незапланированность, “непредвосхищаемость” события выводится интродукцией: «В один прекрасный вечер не менее прекрасный экзекутор, Иван Дмитриевич Червяков (говорящая фамилия, если вспомнить державинскую модификацию человека «я червь» в ряду других: «Я царь - я раб - я червь - я бог!» в оде «Бог»), сидел во втором ряду кресел и глядел в бинокль на «Корневильские колокола». Он глядел и чувствовал себя на верху блаженства. Но вдруг_ В рассказах часто встречается это «но вдруг». Авторы правы: жизнь так полна внезапностей!» [6, с. 164]. Мелочность происшедшего (Червяков, чихая, случайно обрызгивает лысину генерала Бризжалова), вокруг которого разворачивается дальнейшее повествования, приводит к смерти Червякова. Точнее, к этому приводит нарочито-настойчивое извинение героя за случившееся, в классическом ключе продолжающим тему “маленького человека”. Поэтика события играет в рассказе исключительную художественную роль. Здесь показана его доминанта, случайно происшедшего, заурядного. Событие разрушает прежнюю организацию жизни чиновника Червякова. Тема смерти неслучайна. Ее приход, детерминированный событием, исчерпывает бытие, радикально деструктируя прежние смыслы и выставляя напоказ абсурдность и изнаночность мира. Смерть как итоговое событие убедительно показывает случайность жизни. Поэтому само сюжетное действо переносится во внутреннюю речь - монолог героя: «Забыл, а у самого ехидство в глазах, подумал Червяков, подозрительно поглядывая на генерала. - И говорить не хочет. Надо бы ему объяснить^» [6, с. 165].

Чехов собрал в тексте всю самую важную семантическую коннотацию события в этом рассказе. Оно настолько потрясло главного героя, что слилось с его личностью, в итоге побороло его, дезориентировало и привело к смерти. Феномен (явление в сознании) события побеждает онтологическую незначительность его. Кольцевая композиция рассказа, инициированная событием, подготавливает развязку, такую же стремительную, как и введение:

После очередного извинения Червякова генерал, озлобившись, выгнал его, после чего он оказался в состоянии охваченного ужаса: «В животе у Червякова что-то оторвалось. Ничего не видя, ничего не слыша, он попятился_ Придя машинально домой, не снимая вицмундира, он лег на диван и_ помер» [6, с. 166]. Чрезвычайно неожиданно пришедши в размеренный мир, событие завершает его существование для субъекта.

Видно, что в событии бытия фокусируется осознанный акт-поступок и мир-момент. Событие есть сочетание бытия с сознанием о нем. Сознание о событии разрушает онтологическую привязку к прошлому, мир прежний деструктируется, а конституируется новый, порожденный этим событием при “внешнем” сохранении всех элементов бывшей структуры.

Таким образом, событие всегда предикативно. Подобно тому, как сознание всегда интенционально, событие точно так же не может быть обособленным только языком и ноуменальным миром. Событие всегда *чего-то, о чем-то.* То сеть оно детерминировано случаем, являющимся тематически значимым в произведении литературы. Благодаря событию происходит обусловленное им конституирование жанра. Но это уже тема другой статьи.

Список использованных источников:

1. Бахтин М.М. Собрание сочинений в семи томах. Т. 1. Философская эстетика 1920-х годов. М.: Языки славянской культуры, 2003. 958 с.

2. Блок А. Стихотворения. Поэмы. Театр. М.: Художественная литература, 1968. 840 с.

3. Лотман Ю.М. Культура и взрыв. М.: Гнозис; Прогресс, 1992. 272 с.

4. Романо К. Авантюра времени / Пер. с франц. Р. Лошакова. М.: РИПОЛ классик, 2017. 220 с.

5. Смирнов А.В. Сознание. Логика. Язык. Культура. Смысл. М.: Языки славянской культуры, 2015. 712 с.

6. Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем в 30 т. Т. 2. Рассказы. Юморески. М.: Наука, 1983. 576 с.